

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК 81'221; 81'23; 81'253

ОБ ОДНОМ ОТЛИЧИИ УСТНОГО ПЕРЕВОДА ОТ ПИСЬМЕННОГО

К.Е. Калинин

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье анализируется процесс коммуникативного воздействия в устном общении в условиях одноязычной и переводной коммуникации. Признание комплексного характера сообщения позволяет говорить о том, что в устном переводе собственно переводу подлежит лишь когнитивная информация, передаваемая на сегментном уровне текста, в то время как информация, передаваемая невербальными средствами, воспринимается адресатом перевода непосредственно от оратора.

Ключевые слова: коммуникация, перевод, информация, невербальные средства общения, первая / вторая сигнальная система.

On One Difference Between Interpreting and Translation

Kirill E. Kalinin

Nizhny Novgorod State Linguistics University

This article treats of communicative impact as observed in direct and interpreter-aided oral communication. With message understood as rendered by both nonverbal and verbal means, an assumption is made that part of the information gets communicated to the interpretation addressee directly from the speaker, the interpreter's job being merely to deal with the verbal share of the message.

Key words: communication, translation / interpreting, information, nonverbal communication means, first / second signal system.

Задача переводчика – быть посредником в межъязыковой, или шире, межкультурной коммуникации. Как бы мы ни смотрели на то, что имеет место в ситуации перевода (общение между отправителем исходного сообщения и получателем перевода, обеспечение возможности извлечь нужную получателю информацию из оригинала по инициативе этого получателя либо как-то иначе), мы по умолчанию принимаем, что *передача информации от представителя одной лингвокультурной общности представителю другой напрямую невозможна*, для решения коей проблемы, собственно, и привлекается переводчик. Это исходное положение мы привычно считаем переводческой универсалией, условием *sine qua non* любой переводческой деятельности. Оговаривается, что посредничество как таковое наблюдаемо только в ситуациях устного перевода, классифицируемых В.В. Сдобниковым как коммуникативные ситуации первого типа, где наличие перевода предполагается изначально и

где присутствует непосредственный контакт между коммуникантами при устной форме общения и контактном расположении коммуникантов [З. С. 74]. В этих условиях разноязыкие коммуниканты, собравшиеся на одной, специально подготовленной для этого, площадке и находящиеся друг от друга в прямой видимости и звуковой досягаемости, объединены намерением что-то высказать и / или что-то услышать. Они готовы к общению. Единственный, кто теперь нужен для запуска процесса – переводчик, потому что в его отсутствие никакой передачи информации состояться не может.

Когда переводчик даёт понять, что готов к работе (он застыл с блокнотом в руке или просигнализировал о том, что оборудование для синхронного перевода функционирует нормально), кто-то из коммуникантов начинает говорить. Представим себе несколько типовых ситуаций, в которых это может произойти: а) правозащитник с трибуны международной конференции рассказывает об особенностях работы в стране, жёстко регулирующей деятельность иностранных агентов в сфере защиты прав человека; б) директор местной фирмы, пригласивший к себе в офис на переговоры потенциального инвестора или партнёра, рассказывает ему о своей компании; в) приглашённый из-за границы техник знакомит местных специалистов с новым для них оборудованием; г) экскурсовод проводит экскурсию по городу для группы иностранцев. Что смогут засвидетельствовать адресаты сообщения, не знающие исходного языка, но осведомлённые о теме речи, если будут сознательно игнорировать переводчика? Они увидят, например, (а) человека, говорящего о чём-то с явным возмущением. Пусть адресаты не понимают языка – об отношении говорящего к предмету речи они вполне надёжно смогут судить по характеру подачи сообщения, то есть по комбинации супrasegmentных (а равно и паралингвистических) характеристик, сопровождающих произносимые слова. Или, например, (в) они проследят за манипуляциями техника в ситуации шеф-монтажа, за его жестом, указывающим на узел машины, о котором он в этот момент говорит.

Разумеется, в каждом из этих и подобных случаев аудитория прекрасно «считывает» просодические, экстралингвистические, кинесические сигналы, наслаивающиеся на речь говорящего. Они, эти сигналы (независимо, кстати, от степени волевого контроля со стороны того, кто говорит), в совокупности с собственно речевыми единицами обеспечивают тот информационный поток, который направляется от оратора к аудитории. Вербальные знаки и невербальные средства, или сигналы, будучи материально воспринимаемыми и линейно, последовательно актуализованными (хотя и на «параллельных курсах»), образуют, таким образом, единый текст. Как известно, текст включает в себе некий объём информации, причём из этого объёма лишь часть сознательно и целенаправленно определена отправителем как подлежащая

передаче адресату. Данную «полезную» долю принято называть сообщением. В условиях непосредственного контакта говорящего и его аудитории сообщение также может передаваться отчасти словами, отчасти интонацией и жестами.

Если мы говорим о том, что переводчик должен передавать сообщение в полном объёме, мы, во-первых, сразу отсекаем то, что к передаче не предназначено: например, выбрасываем слова-паразиты, компрессируем длинноты, опускаем неоправданные повторы, игнорируем всевозможные экстралингвистические и кинесические заполнители пауз – проявления индивидуальной речевой манеры оратора или его попыток справиться с волнением при публичном выступлении. Остаётся то, что должно мыслиться оратором как имеющее смысл в данной ситуации. Здесь также присутствуют как вербальные, так и невербальные знаки. Из этого комплексного текста переводчик теперь должен извлечь смысл, чтобы затем перевыразить его на другом языке.

С учётом того, что в порождение смысла оратором вовлечены не только слова, но и различная невербалика, как должен вести себя переводчик? Следует ли ему дополнять сказанное теми же жестами, которые в соответствующем месте сознательно использовал оратор, повышать или понижать тон, вторя ему, «заряжать» перевод теми же эмоциями, что, несомненно, входили в намерение говорящего, соответствовали его целям? Очевидно, нет. Попытка копирования оратора будет выглядеть нелепо. Если оратор кричит и размахивает руками, то переводчик, определённо, не должен тоже кричать и размахивать руками. В принципе, это и так понятно каждому и давно закрепилось в качестве обычной практики и рекомендации в плане нормы устного перевода. Мы лишь пытаемся объяснить мотивы такой практики с позиций существующего представления о процессе перевода.

Рассматривая поток знаков, воспринимаемых реципиентом на аудиовизуальном уровне как текст, попробуем применить к процессу его перевода те же установки, о которых мы привыкли говорить, касаясь письменного перевода. Каждый переводчик знает, что он переводит не слова, а текст как некое смысловое единство, находя для коммуникативно релевантной информации, содержащейся в тексте, форму выражения в рамках кода другого языка. Переводчик воспринимает последовательность символов, составляющих текст (или его фрагмент), осознаёт его смысл, после чего перевыражает этот смысл на языке перевода. Различные фонационные и кинесические средства, актуализуемые оратором в процессе говорения, – это такие же единицы текста, вносящие вклад в общий смысл всего высказывания. Нередки ситуации, когда завершённое высказывание целиком представлено невербальными средствами.

Когда невербальные знаки являются культурно обусловленными, переводчик выражает их смысл в выходном сообщении. Однако если они

не специфичны для культуры, к которой принадлежит говорящий, а легко «читаются» всей аудиторией, переводчик освобождается от необходимости их переводить, справедливо полагая, что этот компонент сообщения передаётся реципиентам непосредственно от говорящего, т. е. аудитории не нужен посредник, чтобы понять (а) отношение правозащитника к новому законодательству, (б) открытость директора фирмы к сотрудничеству, его заинтересованность в успехе совместной деятельности, (в) мысль о том, что такую-то кнопку нажимать ни в коем случае нельзя, (г) значение такого-то памятника архитектуры для мирового культурного наследия. Следовательно, передача информации от отправителя исходного сообщения получателю перевода напрямую всё-таки возможна. Тогда надлежит допустить, что в ситуациях устного перевода имеет место комплексное коммуникативное воздействие на получателя, причём, переводчик ответствен только за часть этого процесса, точнее, он работает только с частью этого потока информации. Переводчик как бы разделяет информационный поток, направленный от оратора к аудитории, и занимается только когнитивным компонентом, представленным на сегментном уровне в речи.

Отсюда можно заключить, что требование полноты передачи коммуникативно релевантной информации в переводе необходимо сопроводить уточнением: речь идёт только о коммуникативно релевантной когнитивной информации, передаваемой на сегментном уровне. В ситуации непосредственного контакта коммуникантов процесс общения протекает не только через переводчика, но в некоторой степени и напрямую. Переводчик лишь проговаривает слова, которые реципиент отождествляет со словами оратора в функциональном, содержательном и структурном отношении. Что касается невербальной «надстройки», её адресат «считывает» непосредственно «с говорящего». Таким образом, адресат перевода воспринимает и в своём сознании совмещает: 1) фонационно и кинесически нейтральную речь переводчика и 2) невербалику адресанта. Феномен передачи части информации от отправителя исходного сообщения непосредственно получателю перевода можно отметить как один из факторов отличия устного перевода от письменного.

Данному феномену можно найти объяснение и в более широких рамках психолингвистики и психофизиологии. Фоника и кинесика не требуют перевода, поскольку передаются и воспринимаются на уровне *первой сигнальной системы*. Как известно из учения акад. И.П. Павлова, первую сигнальную систему составляют ощущения, возникающие в ответ на разнообразные внешние раздражители – зрительные, звуковые и проч. В ходе эволюции высшей нервной деятельности у человека развилась вторая сигнальная система, представленная словами («сигналами сигналов») и реализующаяся в речи [2. С. 232]. Эта система, которая

отличает нас от животных, отнюдь не заменила собой первую сигнальную систему, но добавилась к ней. Первая же сигнальная система, которая роднит нас с животными, включает различные аффекты, эмоции (условные рефлексы). Её можно считать в целом общей для всех людей, что исключает потребность в промежуточном звене в цепочке коммуникации при её использовании для кодирования сообщения или его части.

Наблюдая за произнесением речи (на любом языке), мы прежде всего активизируем первую сигнальную систему, обеспечивающую воздействие на более древний, эмоциональный компонент восприятия. Форма сообщения представлена адресату в виде зрительного и звукового потока; они вызывают отклик на уровне эмоций, определяющих первичную оценку оратора и характер отношения к предмету его речи [1. С. 62-63]. Если адресату известен язык, на котором говорит оратор, он способен различить в данном звуковом потоке фонетические образы слов – элементов второй сигнальной системы. Если же он не понимает язык, ему необходимо дождаться перевода, однако та часть сообщения, для восприятия которой достаточно и первой сигнальной системы, прекрасно им принимается и интерпретируется.

Добавим, что такой сценарий возможен лишь при устной форме коммуникации, когда адресат непосредственно получает информацию, передаваемую на уровне первой сигнальной системы. Письменный текст на иностранном языке, совершенно определённо, требует перевода, поскольку целиком состоит из знаков, принадлежащих второй сигнальной системе.

Сказанное выше позволяет сформулировать общий вывод: переводу подлежат сообщения, закодированные с помощью элементов второй сигнальной системы.

Библиографический список

1. *Калинин К.Е.* Коммуникативные стратегии убеждения в англоязычном политическом дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2009. 187 с.
2. *Павлов И.П.* Физиология высшей нервной деятельности // Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1951-1954. Т. 3. Кн. 2. С. 220-234.
3. *Сдобников В.В.* Перевод и коммуникативная ситуация: Монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 464 с.